

Режиссер **ЖАН-ПЬЕР ЖЕНЕ:**

*Известия - 2004 - 7 дек
- с. 15*

«Каждая сцена — непридуманная»

О фильме «Долгая помолвка», поставленном по роману Себастьяна Жапризо, корреспондент «Известий» Кирилл Алехин побеседовал с режиссером фильма Жан-Пьером Жене (начало интервью было опубликовано во вчерашнем номере «Известий»).

ИЗВЕСТИЯ: «Долгая помолвка» — это первый ваш фильм про войну. Войну как мясорубку, где нет места гордости за Францию. Вот вы сейчас боретесь за гражданство картины, но где же в ней патриотизм?

ЖАН-ПЬЕР ЖЕНЕ: Любая война — это ужас. Любая война должна быть осуждена и запрещена. Война — это последнее средство, может быть, за исключением Второй мировой, когда речь действительно шла о том, чтобы остановить огромную машину фашизма. Все остальные войны — абсолютно бессмысленные, особенно война 1914–1918 годов. Это была война, развязанная фабрикантами оружия. И хотя во время Первой мировой во Франции действительно было сильное патриотическое чувство и люди шли на фронт погибать за страну, теперь невозможно даже представить — как такая бойня могла стольких обмануть? Вообще даже в американском кино отношение к войне изменилось — вспомните «Спасти рядового Райана». Там война рассматривается не с точки зрения патриотизма, а скорее как совершенная жестокость, абсолютный ужас, зло, которое не должно существовать. В этом смысле кинотрадиции еще 30-летней давности исчерпали себя.

ИЗВЕСТИЯ: Мне ваша война показалась слегка игрushечной: слишком бессмысленной, слишком грязной.

ЖЕНЕ: Я впервые слышу такое! Напротив, многие мне говорили, что это самое реалистичное изображение войны 1914 года, которое когда-либо появлялось на экране! Каждый план — настоящий, каждая сцена — непридуманная. Самый первый кадр с качающимся Христом — это фотография, которую я нашел. Лошадь мертвая, повисшая на дереве, — тоже фото. Анекдоты, какие-то происшествия... Все они найдены в архивах, письмах. Кроме эпизода со взрывом дирижабля. Батальные сцены я соотносил с фильмом «Спасти рядового Райана» — для меня это высшая планка — и, честно говоря, в первый раз слышу, что сфальшивил. Или я, может быть, ошибаюсь насчет фильма и он — полная неудача?

ИЗВЕСТИЯ: Не ошибаетесь: это удача настолько крупная, что после «Амели» и «Долгой помолвки» вы, в сущности, стали лицом современного французского кинематографа — таким, каким в 1970-х был Франсуа Трюффо.

ЖЕНЕ: Не знаю, чувствую ли я себя «лицом». Даже когда я делал фильмы с Марком Каро, нас забывали упоминать в списках французских режиссеров, потому что мы казались не французами, а скорее какими-то инопланетянами. Может быть, я по-своему помогаю французскому кино тем, что продолжаю снимать во Франции и на французском языке, тогда как мог бы снимать фильмы целиком американские. Но за такие слова вам в любом случае (*Жан-Пьер вытягивает губы и пытается перейти на русский*) «спасибо».